

Оригинал	Перевод
<p style="text-align: center;">Jeff Lindsay Darkly Dreaming Dexter</p> <p style="text-align: center;">EPILOGUE</p> <p>I KNOW IT IS A NEARLY HUMAN WEAKNESS, AND IT may be no more than ordinary sentimentality, but I have always loved funerals. For one thing they are so clean, so neat, so completely given over to careful ceremonies. And this was really a very good one. It had rows of blue-uniformed policemen and -women, looking solemn and neat and—well, ceremonial. There was the ritual salute with the guns, the careful folding of the flag, all the trimmings—a proper and wonderful show for the deceased. She had been, after all, one of our own, a woman who had served with the few, the proud. Or is that the marines? No matter, she had been a Miami cop, and Miami cops know how to throw a funeral for one of their own. They have had so much practice.</p> <p>“Oh, Deborah,” I sighed, very softly, and of course I knew she couldn't hear me, but it really did seem like the right thing to do, and I wanted to do this right.</p> <p>I almost wished I could summon up a tear or two to wipe away. She and I had been very close. And it had been a messy and unpleasant death, no way for a cop to go, hacked to death by a homicidal maniac. Rescue had come too late; it was all over long before anyone could get to her. And yet, by her example of selfless courage, she had helped to show how a cop should live and die. I'm quoting, of course, but that's the gist of it. Really very good stuff, quite moving if one has anything inside that can be moved. Which I don't, but I know it when I hear it and this was the real thing. And very much caught up in the silent bravery of</p>	<p style="text-align: center;">Джефф Линдсей Дремлющий во тьме Декстер</p> <p style="text-align: center;">ЭПИЛОГ</p> <p>Я знаю, что это почти человеческая слабость и, возможно, не более, чем обыкновенная сентиментальность, но я всегда любил похороны. Прежде всего, потому, что они настолько чисты, настолько ясны — целиком и полностью аккуратные церемонии. И данные похороны были действительно отличными. Здесь собрались ряды полицейских в синей форме, выглядящих торжественно и опрятно, ну и — официально. Был ритуальный ружейный салют, заботливое сворачивание флага, все почести — надлежащее, замечательное представление для покойной. Которая являлась, в конце концов, одной из наших, женщиной, служившей с избранными, достойными. Или так принято говорить о морской пехоте? Без разницы, она была копом Майами, а копы Майами знают толк в организации похорон для одного из своих. В этой сфере они обладают богатым опытом.</p> <p>— Ох, Дебора, — вздохнул я, очень мягко, разумеется, зная, что она меня не услышит, но, казалось, это было правильным, а я хотел делать всё, как полагается.</p> <p>Если бы только я мог выдавить из себя слезинку или две, чтобы смахнуть их. Всё-таки, мы с покойной были довольно близки. И ее смерть оказалась тяжёлой, неприятной; негоже копу покидать этот мир, будучи раскромсанным маньяком-убийцей. Спасение пришло слишком поздно: всё окончилось задолго до того, как кто-либо мог вовремя обнаружить ее. И всё же, своим примером самоотверженной храбрости она помогла показать, как должен жить и умереть полицейский. Я, разумеется, цитирую, но суть сохранена. Действительно хорошая речь, довольно</p>

the officers in their clean blues and the weeping of the civilians, I could not help myself. I sighed heavily. "Oh, Deborah," I sighed, a little louder this time, almost feeling it. "Dear, dear Deborah."

"Quiet, you moron!" she whispered, and poked me hard with her elbow. She looked lovely in her new outfit—a sergeant at last, the least they could do for her after all her hard work identifying and nearly catching the Tamiami Slasher. With the APB out on him, no doubt they would find my poor brother sooner or later—if he didn't find them first, of course. Since I had just been reminded so forcefully that family is important, I did hope he could stay free. And Deborah would come around, now that she had accepted her promotion. She really wanted to forgive me, and she was already more than half convinced of the Wisdom of Harry. We were family, too, and that had shown in the end, hadn't it? It was not such a great leap to accept me as I was after all, was it? Things being what they are. What they have, in fact, always been.

I sighed again. "Quit it!" she hissed, and nodded at the far end of the line of stiff Miami cops. I glanced where she indicated; Sergeant Doakes glared at me. He had not taken his eyes off me, not once the whole time, even when he had dropped his handful of earth on Detective LaGuerta's coffin. He was so very sure that things were not what they seemed. I knew with a total certainty that he would come for me now, track me like the hound he was, snort at my footsteps and sniff my back trail and hunt me down, bring me to bay for what I had done and what I would quite naturally do again.

трогательная, если в твоей душе есть струны, которые можно затронуть. У меня нет, но я точно знаю, когда что-либо должно меня растрогать, и сейчас как раз тот случай. Окруженный молчаливыми отважными офицерами в ясно-синем и рыдающими гражданскими, я не мог ничего поделать. Я тяжело вздохнул.

— О, Дебора, — вздохнул я еще громче на этот раз, почти почувствовав то, что и остальные. — Дорогая, милая Дебора.

— Тише, идиот! — прошептала она и сильно толкнула меня локтем.

Новая форма была ей очень к лицу: наконец-то ей дали звание сержанта — меньшее, что можно было сделать после того, как она тяжким трудом вычислила и почти поймала Тамиамского Резника. Учítывая, что ориентировку с его приметам разослали по всем постам, моего бедного братца рано или поздно найдут — если он не найдет их первым, конечно же. Поскольку мне недавно так хорошо напомнили, как важна семья, я очень надеялся, что он сможет остаться на свободе. И Дебора должна успокоиться теперь, когда её повесили. Она в самом деле хотела простить меня и уже была больше, чем наполовину, убеждена в Мудрости Гарри. Мы тоже были семьей, как выяснилось, не так ли? И не так уж, в конечном счете, тяжело было принять меня таким, каким я являюсь на самом деле? Всё складывается так, как есть. Так, как, к слову, всегда было.

Я снова вздохнул.

— Прекрати! — шикнула Деб и кивком указала на конец шеренги остолбенелых полицейских. Я посмотрел туда, куда она указала; сержант Доакс пристально глядел на меня. Он не сводил с меня глаз ни на секунду, даже тогда, когда бросал свою горсть земли на крышку гроба детектива ЛаГуэрты. Он был убежден, что всё на самом деле было не тем, чем кажется. Я с полной уверенностью знал, что он теперь придет за мной, будет выслеживать, словно ищейка, коей он и являлся, принюхиваться к моему следу; он поймает меня, прижмет к стене за то, что я сделал и что, естественно, сделаю снова.

<p>I squeezed my sister's hand and with my other hand I fingered the cool hard edge of the glass slide in my pocket, one small drop of dried blood that would not go into the grave with LaGuerta but live forever on my shelf. It gave me comfort, and I did not mind Sergeant Doakes, or whatever he thought or did. How could I mind? He could no more control who he was and what he did than anyone else could. He would come for me. Truly, what else could he do?</p>	<p>Я сжал ладонь сестры, а пальцами другой руки провел по холодной твердой кромке предметного стекла в кармане; одна крошечная капелька засохшей крови, которая не отправится в могилу вместе с ЛаГуэрттой, а навечно поселится на моей полке. Это меня успокоило, и я не обращал внимания на сержанта Доакса и то, что бы он себе ни думал или делал. С чего бы мне беспокоиться об этом? Он больше не мог контролировать то, кем он являлся, да и кто смог бы? Он придет за мной. В самом деле, что еще он может?</p>
<p>What can any of us do? Helpless as we all are, in the grip of our own little voices, what indeed can we do?</p>	<p>Что может сделать любой из нас? Беззащитные пленники собственных маленьких голосов, действительно, что можем мы поделать?</p>
<p>I really wished I could shed a tear. It was all so beautiful. As beautiful as the next full moon would be, when I would call on Sergeant Doakes. And things would go on as they were, as they had always been, beneath that lovely bright moon.</p>	<p>Если бы только я был в состоянии проронить слезинку. Всё было таким прекрасным. Таким же прекрасным, какой будет следующая полная луна, когда я призову сержанта Доакса. И всё продолжит быть так, как раньше, под этой восхитительной яркой луной.</p>
<p>The wonderful, fat, musical red moon.</p>	<p>Замечательной, пухлой, мелодичной багряной луной.</p>